СООБЩЕНИЕ ОТ СЕКРЕТАРИАТА ЦК ВКП(б).

1-го ноября с.г. Лечебная Комиссия в составе т.т.Филлера и Короткова (от ЦКК ВКП(б)), Потемкина и Абросова (врачей ЦК) и Самсонова (Управделами ЦК), вынесла следующее решение:

"Поручить врачу Центрального Комитета т.Потемкину выяснить возможность лечения т.Иоффе в СССР".

15 ноября с.г. Лечебная Комиссия приняла следующее постановление:

"Ввиду возможности организации лечения т.Иоффе А.А. в СССР, поручить врачу ЦК т.Потемкину организовать таковое, договорившись со специалистами Санупра Кремля и с т.Иоффе".

На это постановление Лечебной Комиссии возражений со стороны т.Иоффе и его семьи в Секретариат ЦК не поступало и поэтому со стороны ЦК, не обсуждавшего решение лечебной комиссии, не могло быть никаких решений против выезда т.Иоффе для лечения заграницу .

Секретарь ЦК ВКП(б) Кубяк.

18-XI-27.

В е р н о: Д.Котляренко.

в.м.

Порядок ознакомления с протоколами и материалами ЦКК ВКП (б), их хранения и возврата.

1. Знакомиться с протоколами заседаний или другими материалами ЦКК могут только товарищи, которым они адресованы, а с протоколами, посылаемыми в местные КК ВКП (б)—только члены КК под ответственность председателя КК и, по его усмотрению, — члены соответствующего партийного комитета.

Примечание. Читавшими материалы товарищами делается подпись на них с указанием даты прочтения.

2. Снятие с протоколов или материалов копий и выписок, а также устная или письменная ссылка на протоколы ЦКК в советском делопроизводстве категорически воспрещается.

3. Получать и хранить протоколы могут только лично товарищи, которым протоколы адресованы, или их доверенные лица (обязательно члены ВКП (б)), утвержденные ЦК или ЦКК в качестве уполномоченных по приему конспиративных документов с правом вскрытия пакетов.

Примечание. Доверенные («по второй категории»), которым ЦК или ЦКК предоставлено право получать конспиративные документы без права вскрытия пакетов, могут эти материалы хранить только в запечатанном виде.

4. Хранить протоколы в несгораемых шкафах, которые на ночь опечатывать.

5. Выносить протоколы из помещения организации или учреждения категорически воспрещается.

6. Хранить протоколы или материалы на правах личных архивов категорически воспрещается.

7. Срок возврата протоколов Президиума и Секретариата ЦКК не более, чем двухнедельный со дня получения для проживающих в Москве и не более месяца— для иногородних.

Примечание. При невозвращении после истечения установленного срока более пяти протоколов дальнейшая посылка их до возвращения задержанных временно приостанавливается.

8. Возвращать протоколы в Москве только лично или через утвержденных доверенных; иногородним—возвращать только через фельд'егерский корпус ОГПУ. Возить при переездах с собой протоколы строго воспрещается.

9. Помимо изложенных в предыдущих пунктах правил, на товарищей, получающих конспиративные материалы ЦКК, возлагается ответственность за принятие в каждом отдельном случае дополнительных мер, обеспечивающих, в зависимости от обстоятельств, максимальную конспиративность работы.

10. Обо всех случаях нарушения этого порядка немедленно сообщать в Президиум ЦКК ВКП (б) для предания виновных строжайшей партийной ответственности.

Секретарь ЦКК **Янсон.**

11 октября 1927 г.

300 экземпляров.

Дорогой Лев Давыдович!

Я всегда, всю свою жизнь стоял на той точке зрения, что политический, общественный деятель должен также уметь во время уйти от жизни, как, например, актер со сцены, и что тут даже лучше сделать это слишком рано, нежели слишком поздно. Еще зеленым юношей, когда самоубийства Поля Лафарга и жены его Лауры Маркс наделали столько шуму в социалистических партиях, я твердо защищал принципиальную правильность их позиции и, помнится, ожесточенно возражал Августу Бебелю, очень возмущавшемуся этими самоубийствами, что если можно спорить против того возраста, который устанавливали Лафарги, ибо здесь дело не в годах, а в возможной полезности политического деятеля, то ни в коем случае нельзя спорить против самого принципа ухода политического деятеля из жизни в тот момент, когда он сознает, что не может больше приносить пользы тому делу, служению коему посвятил себя. Более 30 лет назад я усвоил себе философию, что человеческая жизнь лишь постольку и до тех пор имеет смысл, поскольку и до какового момента она является служением безконечному, которым для нас является человечество, ибо, поскольку все остальное конечно, постольку работа на это лишена смысла; если же и человечество, быть может, тоже конечно, то во всяком случае конец его должен наступить в такие отдаленные времена, что для нас оно может быть принято за абсолютную бесконечность. А при вере в прогресс, как я в него верю, вполне можно себе представить, что даже когда погибнет наша планета, человечество будет знать способы перебраться на другие, более молодые, и, следовательно, будет продолжать свое существование и тогда, а, значит, все содеянное в его пользу в наше время будет отражаться и в тех отдаленные веках, т.е. придаст единственный возможный смысл нашему существо-

ванию и нашей жизни. В этом, и только в этом, я всегда видел единственный смысл жизни; и теперь, оглядываясь на прожитую мою жизнь, из которой я 27 лет провел в рядах нашей партии, я - думается мне - имею право сказать, что всю свою сознательную жизнь оставался верен своей философии, т.е. всю ее прожил со смыслом, ибо - в работе и борьбе за благо человечества. Даже годы тюрьмы и каторги,- когда человек отстранен от непосредственного участия в борьбе и служении человечеству,- не могут быть вычеркнуты из числа осмысленных, имеющих смысл годов жизни, ибо, являясь годами самообразования и самовоспитания, эти годы способствовали улучшению работы впоследствии и поэтому точно также могут быть отнесены к годам работы на пользу человечества, т.е. к годам, прожитым со смыслом. Кажется мне, я имею право утверждать, что я ни одного дня своей жизни, в этом понимании, не прожил без смысла.

Но теперь повидимому наступает момент, когда жизнь моя утрачивает свой смысл, и, следовательно, для меня появляется обязанность уйти из нее, покончить с нею.

Уже несколько лет нынешнее партийное руководство нашей партией, в соответствии с общей проводимой им линией не давать работы оппозиционным элементам,- не дает мне ни партийной ни советской работы того масштаба и характера, в которых я мог бы принести максимум посильной мне пользы. Последний год, как вам известно, Политбюро совершенно отстранило меня, как оппозиционера, от всякой партийной и советской работы.

С другой стороны, отчасти, вероятно, по причине моей болезненности, отчасти, возможно, и по причинам, которые вам лучше известны, чем мне,- я и в практической оппозиционной борьбе и работе этот год почти не принимал участия.

С огромной внутренней борьбой и сначала с величайшей неохотой я ушел в ту область работы, к которой надеялся прибег-

нуть лишь тогда, когда уже стану полным инвалидом, и вошел целиком в научно-педагогическую и литературную работу. Как ни тяжело это было сначала, но я постепенно вошел в эту работу и стал надеяться, что и при этой работе жизнь моя все же сохранит ту внутренне необходимую ей полезность, о которой я говорил выше и которая только и может с моей точки зрения оправдать мое существование.

Но здоровье мое все ухудшалось и ухудшалось.

В 20-х числах сентября по неведомой мне причине Лечебная Комиссия ЦК потребовала меня на консультацию профессоров-специалистов, и последняя установила у меня активный туберкулезный процесс в обоих легких, миокардит, хроническое воспаление желчного пузыря, хронический колит с аппендицитом и хронический полиневрит (множественное воспаление нервов); освидетельствовавшие меня профессора категорически заявили мне, что состояние моего здоровья гораздо хуже, чем я себе это представляю, что я думать не должен надеяться дочитать до конца свои курсы в ВУЗ'ах (1 МГУ и Институте Востоковедения), что, наоборот, гораздо благоразумнее мне сейчас же бросить эти планы, что мне и дня лишняго нельзя оставаться в Москве и часу лишняго нельзя быть без лечения, что мне необходимо немедленно же поехать заграницу в соответственный санаторий, а т.к. эту-де поездку нельзя выполнить в пару дней, то на короткое время до от'езда заграницу они предписывают мне кое-какие медикаменты и лечение в Кремлевской поликлинике. На мой прямой запрос, какие же шансы, что я вылечусь заграницей и могу-ли я лечиться в России не бросая работы, профессора, в присутствии ст.врача ЦК, т.Абросова, еще одного врача - коммуниста и ст.врача Кремлевской больницы, А.Ю.Коннель, категорически заявили, что российские санатории мне ни в коем случае помочь не могут, что я должен надеяться на заграничное лечение потому, что до сих пор ни разу более двух-трех

месяцев заграницей не лечился, а что теперь они именно настаивают на поездке минимум на полгода, не ограничивая максимума, и что при таких условиях они не сомневаются, что если я и не вылечусь окончательно, то во всяком случае на длительный срок смогу вполне работать.

Около двух месяцев после этого никаких абсолютно шагов со стороны Лечебной Комиссии ЦК (которая ведь сама и созвала упомянутый консилиум) не было сделано не только в направлении моей отправки заграницу, но и в деле моего лечения здесь. Наоборот, с некоторого времени Кремлевская аптека, которая всегда до сего выдавала мне лекарства по моим рецептам, получила запрещение делать это, и я фактически был лишен той бесплатной медикаментозной помощи, которою всегда пользовался, и вынужден был покупать необходимые мне лекарства за свой счет в городских аптеках (кажется в это же время руководящая группа нашей партии перешла и в отношении других товарищей из оппозиции к выполнению своей угрозы, "бить оппозицию по желудку").

Покуда я был настолько здоров, что мог работать, я на все это обращал мало внимания. Но, т.к. мне становилось все хуже и хуже, то жена моя начала хлопоты и в Лечебной Комиссии ЦК и лично у Н.А. Семашко (так ведь всегда публично ратующего за осуществление лозунга "беречь старую гвардию") о моей отправке заграницу. Вопрос, однако, все время откладывался рассмотрением, и единственное, чего жена добилась, это - выдачи ей выписки постановления консилиума, в котором перечислены мои хронические болезни и указано, что консилиум настаивает на отправке меня заграницу "в санаторию типа проф. Фридлендера сроком до одного года".

Тем временем девять дней назад я слег окончательно, т.к. ухудшились и обострились (как это всегда бывает) все мои хронические болезни и, что ужаснее всего, мой застарелый полиневрит

1962 1054

опять принял острую форму, при которой приходится теперь совершенно невыносимые, адские боли, и я совершенно лишен возможности ходить.

Фактически эти девять дней я не имею никакого лечения, и обсуждается вопрос о моей заграничной поездке. Из врачей ЦК никто ни разу не был. Навестившие меня проф.Давиденко и д-р Левин, хотя и прописали какие-то пустяки (которые ничего не помогают, конечно), но тут же признали, что "ничего сделать не могут" и что необходима скорейшая поездка заграницу. Д-р Левин сказал, как-то жене, что вопрос затягивается, ибо в Лечебной Комиссии наверное думают, что жена моя поедет со мной, а "это де очень дорого" (когда заболевают товарищи из не оппозиции, то их, а зачастую и их жен, как известно, сплошь да рядом отправляют заграницу в сопровождении наших врачей или профессоров; я сам знаю много таких случаев и должен также констатировать, что когда я в первый раз заболел тем же острым полиневритом, меня отправили заграницу в сопровождении всей моей семьи, жены и ребенка, и профессора Каннабиха; тогда, впрочем еще не было вновь установившихся нравов в партии).

См.сл.лист

1962 1054

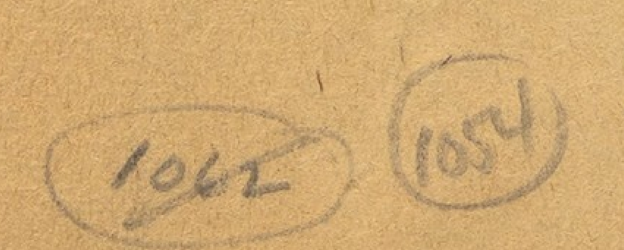
На это ответила, что, как ни тяжело мое состояние, но она вовсе не претендует , чтобы она или кто либо вообще сопровождали меня. На это д-р Левин уверил ее, что в таком случае разрешение вопроса пойдет скорее.

Мое состояние все ухудшается, боли стали настолько невыносимыми, что я, наконец, потребовал хоть какого-нибудь облегчения у врачей. Бывший у меня сегодня д-р Левин опять повторил, что они ничего сделать не могут и что единственное спасение в скорейшей поездке заграницу.

А вечером врач ЦК,т.Потемкин, сообщил моей жене, что Лечебная Комиссия ЦК постановила меня заграницу не посылать и лечить в России, т.к. профессора-специалисты настаивают на длительном лечении заграницей и кратковременное - считают бесполезным, ЦК же, наоборот, согласен дать на мое лечение до тысячи долларов (2-х тысяч рублей) и не считает возможным ассигновать больше.

Я, как вам известно, в прошлом отдал не одну тысячу рублей в нашу партию, во всяком случае больше, чем я стоил партии с тех пор, как революция лишила меня моего состояния, и я не могу уже лечиться за свой счет.

Англо-американские издательства неоднократно предлагали мне за отрывки из моих воспоминаний (по моему выбору, с единственным требованием, чтобы вошел период Брестских переговоров) сумму до 20 тысяч долларов; Политбюро прекрасно знает, что я достаточно опытен и как журналист и как дипломат,чтобы не напечатать того,что может повредить нашей партии или государству, и неоднократно был цензором и по НКИД и по ГКК, а в качестве полпреда и по всем выходящим в данной стране русским произведениям. Я просил несколько лет назад разрешения Политбюро на издание таких своих мемуаров с обязательством весь гонорар отдать в партию, ибо мне тяжело-де брать от партии деньги на свое лечение. В ответ на это я получил прямое постановление ПБ, что "дипломатам или товарищам причастным к диплома -

тической работе запрещается категорически печатать заграницей свои воспоминания или отрывки воспоминаний без предварительного просмотра рукописи Коллегией НКИД и Политбюро ЦК". - Зная какая затяжка и неаккуратность произойдет при такой двусторонней цензуре, при которых нельзя даже и связываться с заграничным издательством, я тогда, в 1924 году, отказался от этого предложения. Теперь, когда я был заграницей, я получил новое, - уже с прямой гарантией 20 тысяч долларов гонорара, но зная, как теперь фальсифицируется и история партии и история революции, и не считая возможным приложить свою руку к подобной фальсификации, не сомневаясь, что вся цензура Политбюро (а иностранные издательства настаивают именно на более личном характере воспоминаний, т.е. на характеристиках действующих в них лиц и т.п.) сведется к недопущению правильного освещения лиц и деятельности ни с одной, так сказать, ни с другой стороны, т.е. ни истинных вождей революции, ни квази вождей ее, теперь возведенных в этот сан, - я, без прямого нарушения постановления Политбюро, не считаю возможным издание своих мемуаров заграницей, следовательно, не вижу возможности лечиться, не получая денег от ЦК, который явно за всю мою 27 летнюю революционную работу считает возможным оценить мою жизнь и здоровье суммою не свыше 2-х тысяч рублей.

В таком состоянии, как я сейчас, - я, конечно, лишен возможности делать хоть какую нибудь работу. Даже, если бы я оказался в силах, несмотря на адские боли, все же продолжать чтение своих лекций, такое положение требовало бы серьезного ухода, переноски меня всюду на носилках, помощи в добыче в библиотеках и архивах нужных книг и материалов и т.п. В прошлую мою такую же болезнь, к моим услугам был целый штат полпредства, теперь же мне "по чину" даже личного секретаря не полагается; при том невнимании ко мне, которое последнее время постоянно проявляется при всех моих заболеваниях (вот и теперь, как ска-

зано, я девять суток - без всякой помощи фактически, и даже предписанной мне проф.Давиденко электрической грелки пока добиться не могу), - я не могу рассчитывать даже на такой пустяк, как переноска меня на носилках.

Даже, если-бы меня лечили и послали на необходимый срок заграницу,- положение оставалось-бы в высшей степени пессимистическим: прошлый раз я в остром состоянии полиневрита без движения пролежал около двух лет; тогда у меня, кроме этой болезни, никаких других не было и тем не менее все мои болезни пошли именно от этой; теперь у меня насчитывается их что-то около шести; даже, если-бы я мог теперь, сколько нужно времени посвятить лечению, и тогда я вряд-ли имел-бы право рассчитывать на мало-мальски сносный срок продолжительности жизни после этого лечения.

Теперь-же, когда меня не считают возможным серьезно лечить (ибо лечение в России-и по мнению врачей безнадежно, а лечение заграницей на пару месяцев - столь-же бесполезно) - жизнь моя теряет всякий смысл; даже, если не исходить из моей философии, очерченной выше, вряд-ли можно признать для кого-нибудь нужной жизнь в невероятных мучениях, лежа без движений и без возможности вести хоть какую-нибудь работу.

Вот почему я говорю, что наступил момент, когда необходимо эту жизнь кончать. Я знаю вообще отрицательное отношение партии к самоубийцам, но я полагаю, что вряд-ли кто-нибудь, уяснив себе все мое положение, смог-бы осудить меня за этот шаг.

Кроме того, проф.Давиденко полагает, что причиной вызвавшей рецидив острого моего заболевания полиневритом,- являются волнения последнего времени. Если-бы я был здоров, я нашел-бы в себе достаточно сил и энергии, чтобы бороться против созданного в партии положения. Но в настоящем своем состоянии я считаю невыносимым такое положение в партии, когда она молчаливо сносит исключение Ваше из своих рядов, хотя абсолютно не сомне-

1062 1054

ваюсь в том, что рано или поздно наступит в партии перелом,который заставит ее сбросить тех, кто довел ее до такого позора... В этом смысле моя смерть является протестом борца, который доведен до такого состояния, что никак и ничем иначе на такой позор реагировать не может.

Если позволено сравнивать великое с малым, то я сказ-бы что величайшей важности историческое событие, исключение Вас и Зиновьева из партии, что неизбежно должно явится началом термидорианского периода в нашей революции, и тот факт, что меня после 27 лет революционной работы на ответственных партийно-революционных постах ставят в положение, когда не остается ничего другого, как пустить себе пулю в лоб, - с разных сторон демонстрируют один и тот-же режим в партии и, быть может, обоим этим событиям, малому и великому совместно, - удастся или суждено стать именно тем толчком, который пробудит партию и остановит ее на пути скатывания к термидору. Я был-бы счастлив, если-бы мог быть уверен, что так именно будет, ибо знал-бы тогда, что умер не даром. Но, хотя я знаю твердо,что момент пробуждения партии наступит, я не могу быть уверен,что это будет теперь-же... Однако, я все-таки не сомневаюсь в том, что смерть теперь может быть полезнее моей дальнейшей жизни.

Нас с Вами, дорогой Лев Давидович, связывает десятилетие совместной работы и личной дружбы тоже, смею надеяться. Это дает мне право сказать Вам на прощание то, что мне кажется в Вас ошибочным.

Я никогда не сомневался в правильности намечавшегося Вами пути и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами, со времен "перманентной революции".

Но я всегда считал, что Вам не достает ленинской непреклонности, неуступчивости, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути, в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути.

Вы политически всегда были правы, начиная с 1905 года, и я неоднократно вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю вам это теперь...
Но вы часто отказывались от собственной правоты в угоду переоцениваемому вами соглашению, компромиссу. Это - ошибка. Повторяю, политически вы всегда были правы, а теперь более правы, чем когда-либо. Когда нибудь партия это поймет, а история обязательно оценит. Так не пугайтесь же теперь, если кто-нибудь от вас даже отойдет или, тем паче, если не многие так скоро, как этого бы всем нам хотелось, к вам придут. Вы - правы, но залог победы вашей правоты - именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов, точно также, как всегда в этом именно был секрет побед Ильича.

Это, я много раз хотел сказать вам, но решился только теперь, на прощанье.

Два слова по личному поводу. После меня остаются малоприспособленная к самостоятельной жизни жена, маленький сын и больная дочь. Я знаю, что теперь вы ничего для них не сможете сделать, а на теперешнее руководство партии я и в этом отношении абсолютно не расчитываю. Но я не сомневаюсь, что недалек тот момент, когда вы опять займете подобающее вам место в партии. Не забудьте тогда моей жены и деток.

Желаю вам не меньше энергии и бодрости, чем вы проявляли до сих пор, и наискорейшей победы. Крепко обнимаю. Прощайте.

Ваш А.ИОФФЕ.

Москва, 16 ноября 1927 г.

П.С. Письмо написано с 15 на 16-е ночью, а сегодня, 16-го, днем Мария Мих. была в Лечебной Комиссии с целью настоять на

моей отправке заграницу хотя бы и на 1-2 месяца. На это ей было повторено, что по мнению ~~профессоров-специалистов краткосроч-~~ ная поездка заграницу совершенно бесполезна, и было заявлено, что Лечебной Комиссией ЦК постановлено немедленно перевезти меня в Кремлевскую больницу. Таким образом, мне отказано даже в краткосрочной лечебной поездке заграницу, а то, что лечение в России не имеет никакого смысла и не даст никакой пользы,- как указано, признается всеми моими врачами.

Дорогой Лев Давидович, я очень сожалею, что мне не удалось вас повидать, не потому, что я сомневался бы в правильности принятого мною решения и надеялся бы, что вы сможете меня переубедить. Нет. Я нисколько не сомневаюсь в том, что это - самое разумное и трезвое из всех решений, которые я мог бы принять. Но я боюсь за это свое письмо; такое письмо не может быть не суб'ективным, а при столь резком суб'ективизме может утратиться критерий об'ективности и какая-нибудь одна фальшиво звучащая фраза может испортить все впечатление от письма. Между тем, я, конечно, расчитываю на использование вами этого письма, ибо только в этом ведь случае мой шаг сможет дать свою пользу.

Поэтому я не только даю вам полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу вас исключить из него все то, что вам покажется лишним и добавить то, что вы сочтете необходимым.

Ну, прощайте, дорогой мой. Крепитесь, вам еще много силы и энергии понадобится. А меня не поминайте лихом.

А.

Верно: Д.Котляренко.

В.М.
аб.